

УДК 903'14

Н.В. Полосьмак¹, Е.С. Богданов¹, Д. Цэвээндорж², Н. Эрдэнэ-Очир²¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

E-mail: polosmakanatalia@gmail.com

²Институт археологии Монгольской академии наук

ул. Жукова, 77, 210646, Улан-Батор

Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences

Zhukoviyn Gudamzh, 77, Ulaanbaatar, 51, Mongolia

E-mail: nochiroo@yahoo.com

СЕРЕБРЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ КОНСКОЙ УПРЯЖИ ИЗ КУРГАНА 20 МОГИЛЬНИКА СУЦЗУКТЭ (НОИН-УЛА, МОНГОЛИЯ)*

При раскопках Ноин-Улинского кург. 20 в 2006 г. в погребении было обнаружено 32 серебряных украшения конской узды с изображениями фантастических животных, выполненными в традициях древнекитайского искусства. Интерес вызывают образы единорога и дракона, воплощения которых встречаются очень редко в памятниках хунну. Вероятно, рассматриваемые украшения являлись подарком императорского двора хунну.

Ключевые слова: хунну, серебряные украшения, конская упряжь, единорог, эпоха Хань.

Введение

Коллекция серебряных пластин – украшений конской упряжи из курганов хунну – начала формироваться с трех изделий, обнаруженных экспедицией П.К. Козлова в кург. 6 в Ноин-Уле. Сегодня это собрание состоит из 42 предметов (учтены только целые вещи), полученных в ходе научных раскопок элитных курганов хунну на территории Монголии и Бурятии. Например, в кург. 7 могильника Царам (Бурятия) были найдены два круглых серебряных украшения с изображением горного козла, бронзовая бляха с изображением горного козла в прыжке и фрагменты нескольких идентичных серебряных украшений (рис. 1, 10, 11) [Миняев, 2009, с. 57, рис. 14, 15]. В кург. 20 могильника Гол-Мод-1 (Монголия) обнаружен целый набор аналогич-

ных украшений: восемь малых и шесть больших блях с изображением единорога (рис. 1, 5, 12) [Desroches, 2007, pic. 22–24].

Долгое время, пока не были известны аналоги, серебряные украшения (две бляхи и фалар) из кург. 6 в Ноин-Уле (рис. 1, 6, 7) исследователи, отмечая «самобытность содержания», ставили в один ряд с произведениями скифо-сибирского звериного стиля [Боровка, 1925, с. 24–25; Сосновский, 1935, с. 174–175]. В настоящее время имеется несколько точек зрения на происхождение этих пластин. По мнению А.Н. Бернштама [1937, с. 962–963], которое было поддержано М.И. Артамоновым [1973, с. 21] и П.Б. Коноваловым [1976, с. 216], серебряные бляхи относятся к произведениям искусства хунну. Сомнения по этому поводу высказал С.И. Руденко. Он отмечал, что «стиль, в котором выполнены ноин-улинские пластины, отличается от подлинно хуннских произведений искусства» [1962, с. 82]. Об этом, как указывал исследователь, свидетельствуют «необычные позы животных, трафаретность формы

*Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН (№ 24) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (проект № 28.2.3).

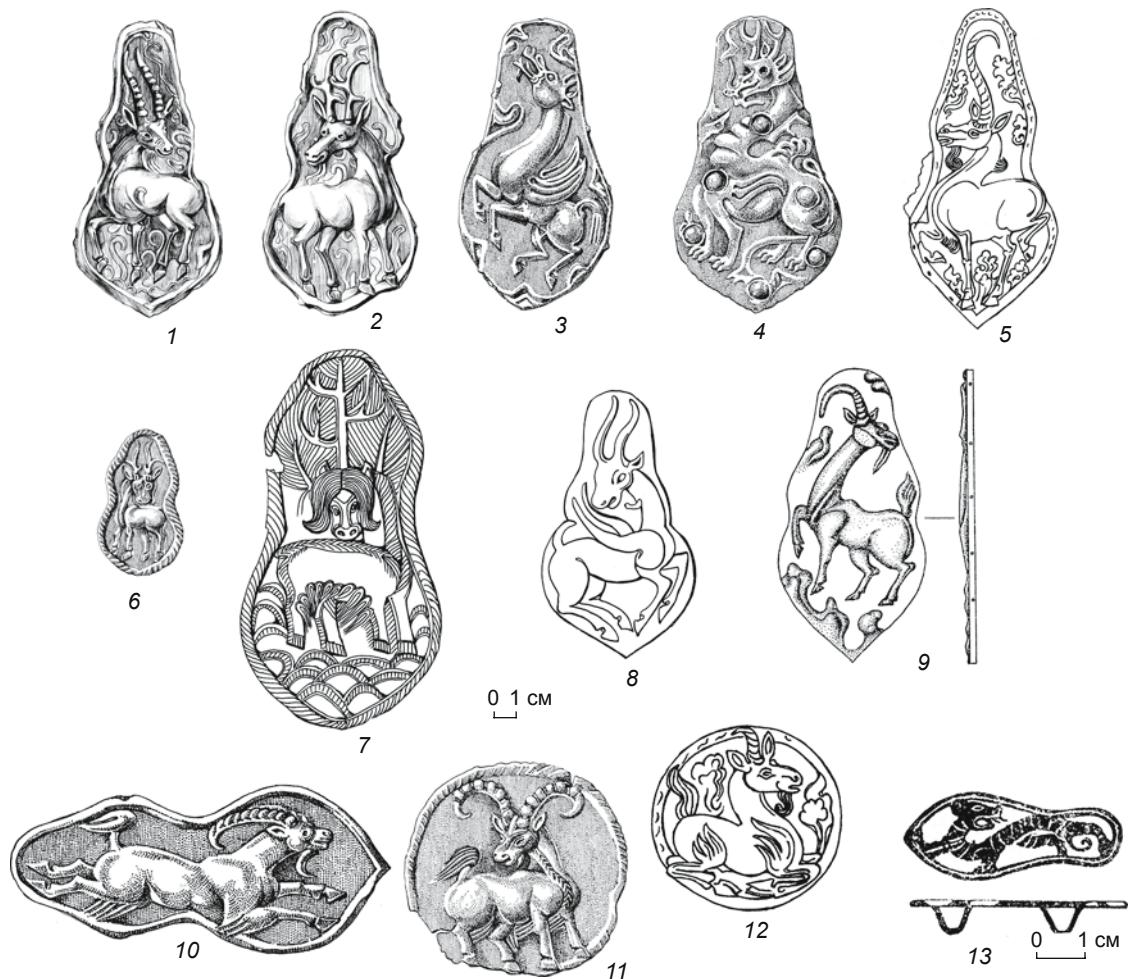

Рис. 1. Украшения конской упряжи с изображением животных из погребений I в. до н.э. – I в. н.э.
 1, 2 – чугунные бляхи, покрытые золотой фольгой, случайные находки, Северный Китай [Bunker, 2002, р. 54, рис. 21];
 3 – серебряная бляха, случайная находка, Северо-Восточный Китай [Ibid., р. 22]; 5, 12 – серебряные бляхи, кург. 20 могильника Гол Мод-1, Монголия [Desroches, 2007, рис. 23, 24]; 6, 7 – серебряная бляха, кург. 6 в пади Сүнзүктэ, Ноин-Ула [Руденко, 1962, табл. XXXVII, 1, 3]; 8 – золотая бляха, погр. № 1 у д. Сюйцуньган, пров. Хэнань, Китай [Краткий отчет..., 2000, с. 42, рис. 11]; 9, 13 – бронзовые бляхи с позолотой, погребение, уезд Силинь, Гуанси-Чжуанский автономный район, Китай [Погребение..., 1978, с. 45]; 10, 11 – бронзовые бляхи, кург. 7 могильника Царам, Бурятия [Миняев, 2009, с. 57, рис. 14, 15].

пластин, сюжета и манеры воспроизведения» [Там же, с. 81–82]. По предположению Э. Банкер, которое было высказано в комментариях к опубликованным ею подобным бляхам из коллекции «азиатского искусства» Джонатана Тукера, эти изделия изготавливались в китайских мастерских для хунну и прочих кочевников или для внутренней торговли [Bunker, 2002, р. 54–55]. Э.В. Шавкунов считает находки из кург. 6 в Ноин-Уле изделиями «юечжийско-кушанского» производства. По его мнению, они были сделаны на территории Северной Бактрии и соседних районов Средней Азии [Алексеева, Шавкунов, 1984, с. 8–9]. По мнению М.Б. Щукина, серебряные бляхи хунну принадлежат к вещам стиля Малибу (III в. до н.э. – I в. н.э.). К предметам этого, выделенного им стиля, распространенным «от Лан-

манша до Монголии», исследователь относит серебряные, золотые и бронзовые «круглые по преимуществу, варьирующие по размеру, плоские или выпуклые бляхи с разного рода изображениями», использовавшиеся в мире кочевников евразийских степей в качестве фаларов. Данный феномен он объясняет тем, что в результате исторических событий, которые разворачивались на пространстве от Монголии до Греко-Бактрии во II–I вв. до н.э., сложилась «некая единая среда, где передвижение больших или меньших групп населения, отдельных людей (будь то бродячие мастера, торговцы или воины-наемники) были вполне возможны» [Щукин, 2001, с. 156]. Эти люди могли быть, с точки зрения ученого, как создателями, так и распространителями изделий стиля Малибу.

Открытия, сделанные в последние годы, прояснили проблему появления оригинальных украшений конской упряжи, которые находят в могилах знатных хунну.

Описание серебряных блях

В кург. 20 в Ноин-Уле найдены 32 изделия (рис. 2, 3):

1. Две большие грушевидные бляхи с изображением единорога (рис. 4), две – с изображением животного с козлиными рогами (рис. 5) и две – с изображением дракона (рис. 6). Обнаружены также отдельные фрагменты (головы драконов) еще двух идентичных блях. Вес каждого из целых украшений составляет 80–100 г, длина 14,3–14,5 см, ширина в широкой части 7 см.

2. На пяти из 20 малых круглых блях (три в обломках) изображены животные с козлиными рогами, еще на четырех – с рогами оленя, на девяти – единороги и

два фрагмента изделий, обломанных в верхней части (рис. 7–9). Вес каждой ок. 30 г, диаметр 4,5 см.

3. Пять круглых (одна в обломках) серебряных бляшек с изображением свернувшегося ушастого животного (рис. 10). Вес каждой ок. 10 г, диаметр 2,5 см.

У некоторых серебряных блях из кург. 20 в Ноин-Уле сохранились небольшие фрагменты железной основы. Найдена одна круглая бронзовая литая бляха с изображением единорога (см. рис. 9, 5). В кург. 7 монгольника Царам также обнаружена бронзовая бляха грушевидной формы (см. рис. 1, 10). Несколько блях с территории Северного Китая имеют чугунную основу, обтянутую золотой фольгой [Vinkler, 2002, p. 54] (см. рис. 1, 1, 2). На рубеже эпох чугун был известен только в Китае (способ выплавки ковкого чугуна здесь открыли уже в III в. до н.э.); он использовался, в частности, для отливки художественных изделий [Кравцов, 2004, с. 152]. Бронзовые и чугунные литые пред-

Рис. 2. Серебряные украшения конской упряжи *in situ* на полу погребальной камеры. Ноин-Ула, падь Сүзүктэ, кург. 20.

Рис. 3. Серебряные украшения с изображением драконов *in situ* на полу погребальной камеры. Ноин-Ула, падь Сүзүктэ, кург. 20.

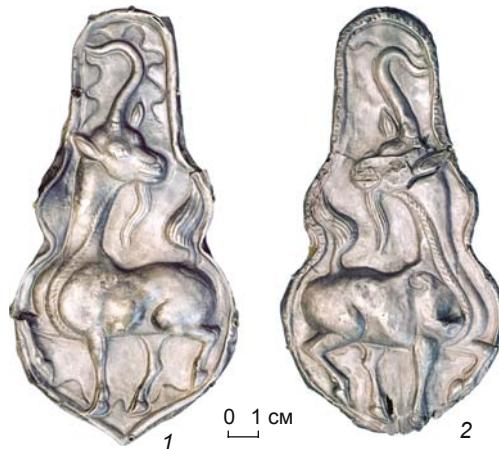

Рис. 4. Серебряные бляхи с изображением единорога. Ноин-Ула, падь Сүзүктэ, кург. 20.

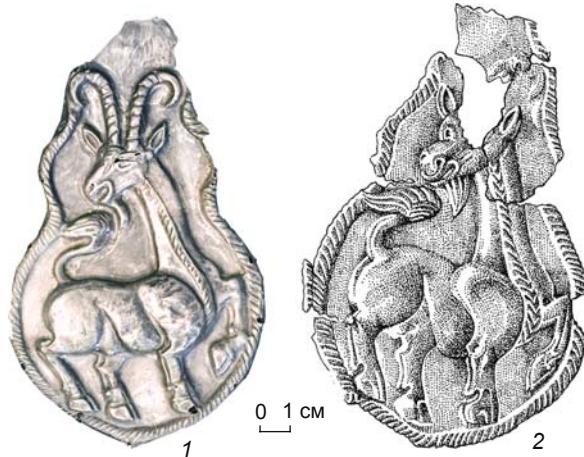

Рис. 5. Серебряные бляхи с изображением фантастического козла. Ноин-Ула, падь Сүзүктэ, кург. 20.

0 1 см

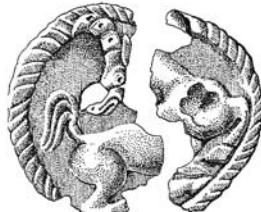
2

1

2

3

4

Рис. 6. Серебряные бляхи с изображением дракона. Ноин-Ула, падь Суцзуктэ, кург. 20.

Рис. 7. Серебряные украшения конской упряжи с изображением фантастического козла. Ноин-Ула, падь Суцзуктэ, кург. 20.

0 1 см

1

2

3

4

Рис. 8. Серебряные украшения конской упряжи с изображением фантастического оленя. Ноин-Ула, падь Суцзуктэ, кург. 20.

1

2

3

4

5

5

6

7

8

9

Рис. 9. Серебряные украшения конской упряжи с изображением единорога. Ноин-Ула, падь Суцзуктэ, кург. 20.

Рис. 10. Серебряные украшения конской упряжи с изображением свернувшегося зверя. Ноин-Ула, падь Сүззүктэ, кург. 20.

меты могли являться как образцами для изготовления серебряных пластин, так и основой для последних.

Все серебряные украшения, по заключению Б.А. Абрамова – сотрудника сектора музейных технологий и реставрации ИАЭТ СО РАН, изготовлены чеканкой с выколоткой. Сначала на поверхность раскатанной серебряной пластины наносили рисунок, затем ее накладывали на воск, смолу либо другой пластичный материал и чеканами выбивали фон. Пластины обжигали на открытом пламени, чтобы серебро стало пластичным, и с обратной стороны деревянными чеканами выколачивали (тянули) рельеф. Добившись нужной глубины рельефа, мастер переворачивал пластину и опять ее обжигал, затем дорабатывал фон. И так несколько раз. На завершающей стадии контур изображения подрабатывался с помощью маленьких чеканов. Готовую серебряную пластину накладывали на железную основу и обжимали по контуру. Рельефные изображения драконов на бляхах дополнительно покрывали золотой фольгой. Над изготовлением одной большой бляхи мастер, хорошо владевший всеми профессиональными приемами художественной обработки металла, мог трудиться около месяца.

Серебро в Древнем Китае было редким и ценным металлом. Наряду с золотом оно использовалось для изготовления денег. Согласно письменным источникам, серебряные деньги в виде слитков получили хождение в конце эпохи Чжоу. На протяжении всех последующих династий серебро было одним из главных денежных средств в Китае. В ханьскую эпоху из него делали чаши и кубки, туалетные принадлежности и некоторые предметы погребальной пластики. Все изделия исполнялись в технике литья [Там же, с. 755, 759]. Серебряные изделия, на которые изображения нанесены китайскими мастерами чеканом с оборота, известны с эпохи Тан [Шеффер, 1981, с. 337]. Считается, что этот прием появился в Китае под влиянием согдийской торевтики [Маршак, 1971, с. 47–50]. Но техника чеканки была известна китайским умельцам задолго до эпохи Тан, свидетельством чему являются некоторые золотые изделия периода Борющихся царств [Кравцова, 2004, с. 757].

Грушевидная форма рассматриваемых нами блях, не имеющая аналогов в искусстве евразийских кочевников, – очевидно, китайское изобретение. Подсказкой могла послужить «исходно наделявшаяся особым магическим смыслом» форма тыквы-горлянки, которая была одним из самых распространенных мифологических и художественных образов среди плодов в древнем и средневековом Китае [Там же, с. 380]. Форма тыквы-горлянки придавалась сосудам и ювелирным украшениям. В даосско-религиозной обности тыква-горлянка, превратившись в сосуд для хранения эликсира бессмертия, стала эмблемой бессмертия и пожеланием долголетия [Там же, с. 380–381]. Нет ничего удивительного в том, что в Китае эта необычная форма придавалась украшениям упряжи коней.

Большие бляхи с единорогом из кург. 20 в Ноин-Уле, бляхи из Гол-Мода-1 и из ханьских погребений с территории Китая и Кореи (см. рис. 1, 5, 9, 12; 4, 1) украшены т.н. облачной лентой (драгоценные облака баоюнь для усиления благопожелательной символики). Этот орнамент, зооморфный по происхождению, на протяжении многих веков занимал одно из главных мест в китайском искусстве. Ко времени изготовления указанных украшений «облачная лента» «воспринималась уже как нейтральный фон, на котором помещались деревья, реально существовавшие и фантастические животные, божества сянь и т.д. Часто она рассматривалась как горный пейзаж» [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 189]. На малых бляхах из Гол-Мода-1 на телах единорогов изображены стилизованные под языки пламени (Ян) крылья (см. рис. 1, 12). Присутствие этих элементов орнамента, характерных для китайского искусства и понятных только в его контексте, позволяет говорить о том, что бляхи – творения китайских мастеров.

Единорог – новая фигура среди изображений животных, известных по находкам из памятников хунну. Образ единорога теряется в глубине веков. Его первым воплощением считают изображение однорогого быка на печатях древних городов в долине Инда – Монхенджо-Даро и Хараппы (III тыс. до н.э.). Единорог упоминается в ряду значимых священных символов

в «Атхарваведе» и «Махабхарате». С древней индийской традицией связывается появление образа единорога в ближневосточных и европейских изобразительных системах [Иванов, 1991, с. 430]. Греческие и римские авторы рассматривали единорога как реально существующего зверя. Плиний Старший пишет: «Самый свирепый и яростный зверь из всех – это единорог, или “моноцерос”; туловищем он схож с лошадью, головою с оленем, ноги, как у слона, а хвост кабаний, ржет он отвратительным голосом, посреди лба торчит черный рог длиной в два локтя; говорят, что этого дикого зверя невозможно поймать живьем (VIII, 21)» (цит по: [Борхес, 1999, с. 53]).

«Белая лошадка с передними ногами антилопы, козлиной бородой и длинным, торчащим на лбу винтообразным рогом (таково обычное изображение этого фантастического зверя)», как отмечает Х.Л. Борхес, появится только в XIV в. [Там же, с. 55]. В геральдическом бестиарии средневековой Европы среди монстров и химерических животных такой единорог – один из наиболее часто встречающихся персонажей [Пастуро, 2003, с. 63].

Истоки образа единорога могут быть у всех общие, но у китайского единорога свои жизнь и легенда, отличающие его от европейского. Китайский единорог называется цилинью. Иногда название «цилинь» трактуется как сочетание двух слов: «ци» – самец, «линь» – самка. Есть предположение о том, что это название заимствовано в тохарском языке. Центрально-азиатский народ тохары уже в I тыс. до н.э. имел контакты с древними китайцами, при их посредничестве индийский образ единорога мог проникнуть в Китай [Иванов, 1992, с. 8–31].

Китайский единорог – тотемное животное, чрезвычайно важный символ, превосходящий по значимости свой аналог в европейских культурах. Он и сегодня остается одним из наиболее позитивных образов в традиционной культуре. Например, композиция «Цилин, дарующий ребенка» (на спине единорога показан сидящий ребенок) является пожеланием супружеской паре рождения сына, а младенцу – блестящей карьеры [Кравцова, 2004, с. 395]. Изображение единорога на серебряных бляхах из погребений хунну соответствует словесному описанию, которое имеется в китайских источниках. Все описания составлены по архаическому принципу уподобления отдельных частей цилинья частям тела реальных животных: у цилинья тело оленя, но меньших размеров (либо тело косули), шея волка, хвост быка, один рог на лбу либо пара оленевых рогов, копыта коня (либо коровы), разноцветная (или бурая) шерсть, голова барана; по некоторым описаниям, у него есть крылья (например, см.: [Рифтин, 1979, с. 15, 101; 1992, с. 622; Кравцова, 2004, с. 396]).

На серебряных пластинах из курганов хунну изображен образ животного, напоминающего горного коз-

ла: у него голова, украшенная характерной бородой, но менее массивное тело и хвост быка. Бросаются в глаза неестественно вытянутые, длинные шеи животных с выделенной чеканкой линией пушистой шерсти*. Рог, расположенный ровно по центру черепа, на макушке, между ушами, не знает прототипа. Это странный загнутый назад крючок. Конечно, таким рогом никого поранить нельзя, что и является, судя по письменным источникам, особенностью настоящего цилинья. В китайской мифологии единорог – главный из всех зверей. В отличие от европейского, он – исключительно мирное, благородное животное, его неострый рог не может причинить никакого вреда. Один рог единорога символизирует единство государства либо единовластие государя. Считалось, что появление цилинья несло с собой умиротворенность и процветание в природе. В «Ши цзине» в стихотворении «Линь-единорог» цилинья предстает символом потомков княжеского рода. Согласно поверью, именно единорог принес на своей спине прародителю цивилизации Фу Си знаки, от которых произошли письмена [Малявин, 2000, с. 340]. В дошедшей до наших дней заговоре-песне отражены охранительные функции единорога:

О ты, Единорог!
Своим копытом
Ты наших сыновей храни!
О ты, Единорог!
О ты, Единорог!
Своим челом
Семью ты нашу сохрани!
О ты, Единорог!
О ты, Единорог!
Своим ты рогом
Ты род наш сохрани!
О ты, Единорог!

[Хрестоматия..., 1963, с. 428].

Единорог – символ добродетельной и мудрой личности – появляется на людях только во время всеобщего счастья и благоденствия, считается олицетворением гуманности, милосердия и благородства. Эмблема с изображением цилинья использовалась как знак различия военных чиновников первого (высшего) ранга [Кравцова, 2004, с. 395].

Все звери, запечатленные на серебряных бляхах, имеют определенный набор признаков реальных животных, но таковыми не являются, им не найти аналога в природе, хотя кажется, что каждый из них кого-то напоминает, да и выглядит вполне жизнеспособным. Так, на четырех малых бляхах изображены лежащие с подогнутыми ногами парнокопытные, с телом, кото-

*Понятно, что послужило основанием для отождествления цилинья с жирафом (впервые это сделал А.Д. Де Грот). Против подобной ассоциации выступил Б. Лауфер [Терентьев-Катанский, 2004, с. 71].

рое могло принадлежать оленю или козлу, но с бычьим хвостом, безбородыми невыразительными мордами с козлиными рогами (см. рис. 7). На двух больших бляхах показаны звери с неестественно длинной шеей, с бородатыми и рогатыми мордами козлов. Они стоят, подняв левую переднюю ногу (см. рис. 5). Над их небольшими плотными туловищами на коротких толстых ногах с мощными копытами поднимается бычий хвост с пышной кистью. Похожие «козлы» с пышными хвостами изображены на двух бляхах из кург. 7 могильника Царам (см. рис. 1, 10, 11). Четыре одинаковых, судя по рогам, молодых оленя (точно такие же «молодые» рога у оленя на бляхе из коллекции «азиатского искусства» Джонатана Тукера (см. рис. 1, 2)) и на пластине из кург. 6 в Ноин-Уле (см. рис. 1, 6). Все эти животные, изображенные с непропорционально большими головами и длинными шеями, имеют прямое отношение к единорогу. В древности самка единорога – линь – представлялась в виде белого оленя. По мнению Идзуси Есихико, образ цилинра развился на основе представлений об олене, в древних текстах цилинр упоминается наряду с оленями (см.: [Рифтин, 1992, с. 622]). Когда во дворце Ханьского императора У-ди чудесным образом появилось изображение марала, его истолковали как цилинра, знаменующего возвращение справедливости [Терентьев-Катанский, 2004, с. 71]. Известно, что один из судей императора Шуна владел «однорогим козлом», который отказывался нападать на должно обвиненного и бодал виновного [Борхес, 1999, с. 57]. Возможно, в образах фантастических животных на серебряных бляхах из кург. 20 в Ноин-Уле и их аналогах из других памятников выступают цинь и линь – самцы и самки цилинра – единорогов.

Рассматриваемые украшения, вероятно, являясь подарком императорского двора хунну, составляли часть «пяти приманок», которые должны были склонитьnomадовкповиновению. Подарки, на которых был запечатлен образ цилинра, наделенный в китайской мифологии многочисленными исключительно положительными характеристиками, могли передаваться самым высшим представителям хуннуской элиты – шаньюям – в «воспитательных» целях. Вероятно, эти изображения единорогов призваны не столько поднимать статус шаньюя, сколько указывать на его подчиненное положение. Чужие символы, наделенные большим мифологическим содержанием, закрепленным веками, в иной культуре, возможно, выполняли прямо противоположную роль.

Нельзя представлять себе хуннуских шаньюев совершенно не сведущими в области ханьской символики. Одни из них посещали императорский двор по приглашению, другие, находясь при дворе в качестве заложников, приобщались ко всем благам и тонкостям ханьской культуры, имели китайских жен, которые вместе со своим окружением являлись проводниками

культуры Срединной империи в среде хуннуской элиты. Не стоит забывать и о высокопоставленных китайских перебежчиках, а также пленниках, перешедших на службу хунну. Но, вероятно, даже зная о скрытой угрозе, которая заключалась в такого рода подарках, хунну использовали великолепные вещи по назначению – как украшения конской упряжи.

Возможно также, что в китайские изображения единорога хунну вкладывали свое содержание. В титулатуре местной племенной знати присутствует наименование десяти высших сановников из родственников шаньюя как четырех и шести «рогов» (подробнее см.: [Крадин, 2002, с. 143–144]). В скотоводческих обществах рога наделялись различными сакральными свойствами (в т.ч. свойствами оберега). «Вполне возможно, что семантика этой титулатуры (четыре рога – четыре части социума, четыре стороны света, четыре мировых дерева) является отражением хуннуской картины мироздания» [Там же, с. 205]. В таком социуме, каким являлось общество хунну, изображение единорога было вполне понятным и положительным символом. У средневековых тюрок, чьими предками, возможно, были хунну, почитался Булан – мифический единорог, его рог был вместилищем дождя и снега [Шеффер, 1981, с. 127].

На серебряных бляхах конской упряжи из кург. 20 в Ноин-Уле получил воплощение дракон, один из самых древних и самых распространенных синкретичных образов. Дракон в том или ином облике нашел себе место в различных культурах во всех частях света. Существует предположение, что образ дракона отражает реально существовавшие ископаемые рептилии. Так, определенное значение для сложения образа китайского дракона, возможно, имели останки вымерших животных – кости динозавров, которые находили в ряде регионов Китая, или диплодоков, обитавших в мезозое на территории Шаньдунского полуострова. «Кости дракона» с древности считались лекарственным средством, обладающим колоссальной мощью ян. Ли Ши-чжэнь – великий фармаколог и врач, живший в эпоху династии Мин (XV в.), автор эталонного труда по медицинским вопросам «Бэнь-цао ган-му» – приводит изображения этих «костей» (череп с рогами, напоминающий череп травоядного динозавра, несколько позвонков, лапа, частично мумифицированная) и упоминает о высохших трупах, сброшенной коже дракона. Он указывает места, где можно найти «драконьи кости», – в стенках обрывов, пещерах на берегах рек в провинциях Сычуань, Шаньси, Яньчжоу, Цанчжоу, Тайшань [Терентьев-Катанский, 2004, с. 34; Фиссер, 2008, с. 99]. Обнаружение яиц динозавров могло послужить поводом для легенды о том, что драконы рождаются из яйца.

М.В. Фиссер пришел к выводу, что сегодня в Китае, как и в самые древние времена, дракон считается

водяным животным, родственным змее, обычно спящим зимой в прудах и просыпающимся весной. Это бог грома, воды, облаков и дождя, средоточие ян, символ императорской власти [2008, с. 43].

Изображения драконов, обнаруженные в кург. 20 в Ноин-Уле – одни из лучших как по композиционному решению, так и по передаче удивительно живого образа, который был создан древним мастером – топретом. Ноин-улинский дракон воплощает черты животных, птиц и рептилий. У него змеиное, покрытое волнистым узором изогнутое тело с распластанной задней частью в круглой чешуе, крылья и лапы тигра с острыми шпорами. На лапах – по три когтя (если было бы пять – это был бы уже императорский символ, три могли себе позволить принцы крови). Изогнутый тонкий хвост плавно переходит в рамку, окружающую все изображение. На загривке и крестце обозначены небольшие пряди волос. Морда – со свиным пятаком, тонкой длинной бородкой, пышными бакенбардами, небольшими прямыми рогами и ушами, под выпуклыми надбровными дугами – выразительные большие человеческие глаза. Изображения драконов покрыты золотой фольгой.

Фигуры драконов, украшающие лошадь, придавали ей драконьи свойства (крылатая лошадь-дракон – один из популярных мифологических персонажей Хань). Крылатые драконы в древности возили легендарного мифического императора Хуан-ди и усмирителя потопа Юя, на них улетали бессмертные сянь [Там же, с. 88]. Изображения драконов входят в число 12 символических орнаментов священного императорского одеяния, они же присутствуют на императорских знаменах. Желтый дракон (его отличали желтый золотой цвет и пять когтей) основателем династии Хань был провозглашен официальной эмблемой императорской власти. Обнаруженные в кургане хунну серебряные бляхи с золотыми драконами не имеют прямых аналогов в искусстве эпохи Хань. Эти уникальные образы встречаются на более поздних вышивках на царских одеждах (например, см.: [Малявин, 2000, с. 340]).

Серебряные бляхи с изображениями Желтого (золотого) дракона с тремя когтями на лапах, найденные в погребении на севере Монголии, – еще один важный штрих к портрету неизвестного (или неизвестной) [Чикишева, Полосыма, Волков, 2009, с. 150], для которого был сооружен кург. 20 в Ноин-Уле. По китайским меркам, этот человек имел очень высокий социальный статус. Вероятно, такие символические изображения, как золотой крылатый дракон, могли быть преподнесены только шаньюю. Другое дело, что многие подарки, которые шаньюю получал от ханьского двора, обычно раздаривались приближенным – на этом принципе держались его власть и авторитет в Степи. Поэтому только по составу погре-

бальной утвари определить, кто похоронен в столь величественном сооружении, каким оказался кург. 20 в Ноин-Уле, пока нельзя. Период, к которому относятся рассматриваемые нами находки и в который проходила жизнь хозяев этих вещей, – последние годы I в. до н.э. – первые десятилетия I в. н.э. В это время хунну активизировали свою внешнюю политику – регулярно совершали набеги на ослабленный нестабильной политической ситуацией Китай. Время правления узурпатора Ван Мана отмечено непрерывной чередой хуннуско-китайских войн. Хунну восстановили границу, существовавшую при первых шаньюях, захватили Западный край. За интересующий нас период у хунну сменилось несколько шаньюев. В 8 г. до н.э. к власти пришел Учжулю-жоди*. После его смерти в 13 г. н.э. на престол вступил Хань. В 18 г. он умер, и шаньюем стал его брат Юй. Каждый из братьев мог быть погребен в кургане в горах Ноин-Улы. У каждого были свои взаимоотношения с Хань, каждого окружали близкие люди, которые находили последний приют рядом с могилами шаньюев. Среди близких могли быть выдающиеся военачальники не хуннуских племен и даже китайцы. Известно, например, что в 10 г. н.э. ряд крупных китайских военачальников из Западного края перешел на сторону хунну. Некоторые из них получали пышные титулы и занимали соответствующее положение в кочевом обществе [Материалы..., 1973, с. 56–57]. В погребениях с такими статусными ханьскими вещами, как рассматриваемые нами серебряные бляхи с единорогами и драконами, могли быть похоронены и они.

Выводы

Серебряные бляхи – украшения конской упряжи, обнаруженные в богатых курганах на территории могильников хунну, были изготовлены китайскими мастерами. Эти вещи предназначались не столько для дарения кочевникам, сколько для внутреннего использования.

Подобные изделия встречаются, кроме хуннуских могил, только на территории ханьского Китая. Это случайные находки и вещи из погребальных комплексов. Пять блях с изображением единорога обнаружено в погребении на территории уезда Силинь в Гуанси-Чжуанском автономном районе Китая (см. рис. 1, 9) [Погребение..., 1978, с. 45, 49, рис. 3]. Еще две бляхи

*Считается, что именно он похоронен в кург. 6 могильника в Ноин-Уле; доказательства – богатство кургана и надпись на китайской лаковой чашечке, датированной 2 г. до н.э. По письменным источникам известно, что во 2 г. до н.э. он (Учжулю) был принят императором и получил много богатых даров [Бернштам, 1937, с. 956–963].

с изображением крылатых газелей находились в ханьской могиле № 1 в д. Сюйцуньган уезда Ци пров. Хэнань (см. рис. 1, 8) [Краткий отчет..., 2000, с. 42, рис. 11]. Двенадцать крупных серебряных инкрустированных блях с изображением, вероятно, единорога-хищника, зафиксировано при раскопках мог. 219 памятника Согамни в Наньшань (Северная Корея) (см. рис. 1, 4) [The ancient culture..., 2001, cat. 51]. Несколько таких предметов из случайных находок на территории Северного и Северо-Восточного Китая хранится в частных собраниях (см. рис. 1, 1–3). Это далеко не полный список известных сегодня металлических блях – украшений конской упряжи в форме тыквы-горлянки с изображениями фантастических животных, которые входят в китайский бестиарий (драконы, единороги, лошади-драконы, фениксы, олени). Многие изображения включают типично китайские элементы украшений в виде «облачных лент». Вещи, подобные найденным в кург. 20 в Ноин-Уле, пока не обнаружены западнее Монголии. Вероятно, их ареал максимально приближен к месту изготовления.

Все металлические детали конского снаряжения, обнаруженного в элитных хуннуских курганах, – медные, покрытые золотой амальгамой псалии и налобники, подпружные пряжки и удила – китайского производства, имеют широкий круг аналогов. Очевидно, вся конская упряжь, в т.ч. украшения, которую находят в богатых хуннуских могилах, была подарком китайского двора шаньююм.

Список литературы

Алексеева Э.В., Шавкунов Э.В. Изображение овцевька из Ноинулинского могильника // Древний и средневековый Восток. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1984. – Ч. 1. – С. 3–11.

Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 278 с.

Бернштам А.Н. Гуннский могильник Ноин-ула и его историческое значение // Изв. АН СССР. – 1937. – № 4. – С. 947–968.

Боровка Г.И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции Академии наук // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 22–40.

Борхес Х.Л. Книга вымыщленных существ. – СПб.: Азбука, 1999. – 169 с.

Иванов В.В. Единорог // Миры народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – С. 429–430.

Иванов В.В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, 1992. – С. 8–31.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 220 с.

Крадин Н.Н. Империя хунну. – М.: Логос, 2002. – 312 с.

Кравцова М.Е. История искусства Китая. – СПб.: Лань: Триада, 2004. – 960 с.

Краткий отчет о раскопках погребения № 1 эпохи Хань в провинции Хэнань, уезд Ци, деревня Сюйцуньган // Каогу. – 2000. – № 1. – С. 38–44 (на кит. яз.).

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. – М.: Издат. фирма «Вост. лит.», 1994. – 326 с.

Маливин В.В. Китайская цивилизация. – М.: Астрель, 2000. – 618 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1973. – 178 с.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1971. – 191 с.

Миняев С.С. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 49–58.

Пастуро М. Геральдика. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 144 с.

Погребение с бронзовыми барабанами у зерновой станции Путо в уезде Силинь Гуанси-Чжуанского автономного района // Вэнь. – 1978. – № 9. – С. 43–51 (на кит. яз.).

Рифтин Б.Л. От мифа к роману. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Рифтин Б.Л. Цилинь // Миры народов мира: Энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 621–622.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Сосновский Г.П. Дэрестуйский могильник // Проблемы истории докапиталистических обществ. – М.: Л.: Наука, 1935. – № 1/2. – С. 168–176.

Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому бестиарию. – СПб.: Формат, 2004. – 224 с.

Хрестоматия древней истории Востока. – М.: Вышш. шк., 1963. – 544 с.

Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. – М.: Профит Стайл, 2008. – 272 с.

Чикишева Т.А., Полосьмак Н.В., Волков П.В. Одонтологический материал из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 145–150.

Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1981. – 608 с.

Щукин М.Б. О фаларах так называемого греко-бактрийского стиля (к проблеме контактов Восток–Запад) // Ювелирное искусство и материальная культура. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. – С. 137–161.

Bunker E.C. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. – New Haven; L.: The Metropolitan Museum of Art; N.Y.: Yale University Press, 2002. – 233 p.

Desroches J.-P. La mission archéologique française en Mongolie. Bilan de quinze années de collaboration franco-mongole // International symposium in celebrations of the 10-th anniversary of MON-SOL Project. – Seul: National Museum of Korea, 2007. – P. 190–202.

The ancient culture of Nangnang. – Seul: The National Museum of Korea and Sol Publication Co, 2001. – 294 p.